

УДК 373.167.1

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ДИСКУРСА (ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВОПРОСИТЕЛЬНЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Т. Е. Соболева*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
soboleva@bsu.edu.ru*

Одной из проблем, связанных с прагматическим подходом к анализу языка, стало различие предложения и высказывания и их отношение к языку и речи. Отнесенность предложения либо к речевой, либо к языковой компетенции говорящего, выносит в фокус исследования разные комплексы проблем: модально-коммуникативные в первом случае и логико-синтаксические – во втором.

В статье отмечается, что при дискурсивной актуализации в рамках смыслового содержания реализуется динамическое взаимодействие семантического и прагматического значений в пределах общих возможностей, которые предопределяются языковой системой.

Ключевые слова: язык, речь, инвариантные модели, парадигматика, синтагматика, дискурс, полифония, аргументативное значение, косвенный речевой акт.

Положение о языке как определенным образом организованной системе впервые в лингвистике четко сформулировал Ф. Соссюр. Ученые, разделяющие точку зрения Ф. Соссюра, углубляют и уточняют толкование языковой системы (М. Н. Кожиной, Г. Хельбига, А. В. Бондарко, Л. М. Минкина, А. Н. Харитоновна, J. Moeschler и др.). При этом всякий раз отмечается, что языковая система является не материальной, а идеальной лингвистической реальностью [1].

Не все лингвисты согласны с тем, что системная организация присуща и морфологии, и синтаксису. Так, Г. Гийом относит к языковой системе единицы морфологии, а к сфере речи – явления синтаксиса [2]. По мнению Гийома, язык и речь интегрируют свои свойства в речевой деятельности, в конкретном речевом акте:

ЯЗЫК → РЕЧЬ → РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К системообразующим признакам языковой системы ученые относят инвариантные модели, а разграничение языка и речи проводят часто по линии парадигматика-синтагматика [3, с. 18].

Ряд исследователей считает, что синтаксис возможно рассматривать наряду с морфологией – частью языковой системы. Для системы синтаксиса характерна определенная композиция [4 и др.]. В качестве единиц синтаксической системы признается существование предложений, конкретных в смысле составляющей их лексики, но абстрактных в плане их виртуальности. Эти единицы грамматически и лексически оформлены и характеризуются наличием грамматического подлежащего и грамматического сказуемого. В основе предложения лежит структурная схема, или модель. Модель предложения всегда семантически, она обладает локутивным значением, т. е. информативностью, и без учета лексики ее изучение невозможно. По мнению М. П. Ионицэ и М. Д. Потаповой, одного лексического заполнения схемы недостаточно для формирования коммуникативно-ориентированного высказывания [5, с. 13]. Предложение как виртуальная единица актуализируется в высказывании, т. е. превращается из элемента языка в элемент речи. Процесс актуализации предложения в высказывание предполагает введение его в речевой акт, т. е. в акт коммуникации.

Изучение языка в прагматическом аспекте было бы невозможным без теории речевых актов, в основе которой лежат идеи Дж. Остина [6], являющейся центральным понятием для прагматики. Согласно этой теории, обобщение понятия речевого акта представляет собой трехуровневое образование, которое включает локуцию (ин-

формативность), которую иногда рассматривают как отдельный речевой акт со своим локутивным значением. Последнее представляет, по сути, интегрированное содержание языковых средств, которое предстоит коммуникативно ориентировать в речи.

Вторая часть обобщенного речевого акта - иллокуция, которая включает в себя два неразделимых понятия, относящихся к анализу речевого акта и к самой семантике высказывания: иллокутивный акт/иллокутивная сила, где иллокутивный акт – речевой акт в его отношении к манифестируемой цели, тогда как иллокутивная сила – цель говорящего, манифестируемая им в определенных условиях [7, с. 7 – 21]. Наконец, в обобщенном речевом акте выделяют перлокуцию (результат) – “процесс воздействия речи на мысли и чувства аудитории и посредством этого воздействия на дела и поступки людей” (там же). Конечно, перлокуция представляет собой более изменчивую величину характеристики высказывания в сравнении с иллокуцией, поскольку перлокутивный эффект может быть разным, в зависимости, в частности, от интенции и эксплицитной или имплицитной аргументации самого высказывания. Можно говорить об универсальности и специфичности иллокуции также, как и перлокуции, в зависимости от угла зрения, под которым рассматриваются эти явления. Например, в одном языке, или как явление многих языков. Вместе с тем, главным понятием в теории речевых актов, по мнению Остина, является понятие иллокуции, которую английские ученые Стросон и Серль трактуют по-разному: соответственно «открытая интенция» и «коммуникативное намерение» [8, с. 151 – 169]. Многие ученые подчеркивают ведущую роль иллокуции, на фоне которой остальные уровни речевого акта (локуция, а в особенности перлокуция) не привлекают особого внимания лингвистов.

Одной из проблем, связанных с прагматическим подходом к анализу языка, стало различие предложения и высказывания и их отношение к языку и речи [9, с. 22]. Такое разграничение уже предпринималось в рамках традиционного и структурного синтаксиса (И. Г. Торсуева, Л. П. Чахоян, G. Siouffi, D. Van Raemdonck), где предложение и высказывание противопоставлялись друг другу как единицы двух разных синтаксических уровней: конструктивно-синтаксического (предложение) и коммуникативно-синтаксического (высказывание).

Отнесенность предложения либо к речевой, либо к языковой компетенции говорящего, выносит в фокус исследования разные комплексы проблем: модально-коммуникативные в первом случае и логико-синтаксические – во втором. Лингвисты рассматривают иногда предложение как некую абстрактную и потенциальную сущность, абстрактную схему (Л. С. Бархударов), структурную схему (Н. Ю. Шведова), синтаксему (И. К. Леков). Общим при всем многообразии определений является признание за предложением статуса языковой единицы как структурной схемы, модели, характеризующейся своей синтаксической структурой и значением, которое выводится из значений составляющих его слов. Высказывание же определяется как единица коммуникации и наделяется чертами, противопоставляющими его предложению, среди которых основными называются: коммуникативная направленность, актуальное членение, интонация, смысловая завершенность (независимая от структурной незавершенности), ситуативность, коннотативность. Хотя, например, для О. Дюкро само значение предложения не является чем-то само собой разумеющимся, обусловленным, и способ определения содержания предложения не сводится к обобщению значений его компонентов. Ученый подчеркивает, что главным образом, значение предложения определяется по показателям, присущим речевым актам, например, правилам аргументации: [...] la phrase comporte l'instruction de chercher, pour ses énoncés, tel ou tel type d'utilisation argumentative [10, с. 81]. Лингвистический компонент должен, таким образом, быть дополнен другим, прагматическим компонентом, задача которого – придать смысл различному содержимому в значении фразы. Такой подход логически мотивирован его пониманием языковой системы как единого целого, где дихотомия язык/речь упразднена. С этим трудно согласиться, поскольку, по мнению многих исследователей, наличие в языке структурных моделей, являющихся контекстно

независимыми, представляется очевидным. Например, сам факт системно-языкового противопоставления повествовательных и вопросительных моделей по структурному признаку (S-V/V-S) не вызывает сомнений.

Некоторые лингвисты, признающие дихотомию язык/речь, считают, что предложение принадлежит только речи (В. А. Звегинцев, Э. Бенвенист, Г. Гийом). Конечно, оппозиция «высказывание-предложение» является условной, «как условно само противопоставление языка и речи, ибо одно не существует без другого, как не существуют раздельно сущность и явление» [5, с. 11]. Тем не менее, разделение единой сущности «предложения-высказывания» на две единицы все же целесообразно как методологический прием, который способствует более четкому выделению, ограничению и ограничению объектов исследования в зависимости от его целей [5, с. 11].

В основе предложения лежит структурная схема, или модель, которая является означающим знака-предложения, выполняющим «опосредующую функцию» [11, с. 268]. Это возможно, поскольку системно-языковая модель предложения сама по себе содержательна, и ее содержание – это сигнификативное значение предложения. Сигнификативное значение синтаксической формы в определенной степени представляет локутивное (информативное) содержание предложения. Другими словами, можно утверждать, что локуция, прежде всего, – содержание структурной модели предложения, а не только его «чистый конструкт». Однако при этом необходимо учитывать структурно-релевантную лексику. Поскольку актуализация предложения предполагает его соотнесение как виртуального знака с реальностью, предложение обязательно должно быть коммуникативно ориентировано в речи. При субъективизации предложения в речи актуализируется ментальная структура – суждение, которое в заданном контексте/контексте приобретает определенную тема-рематическую организацию.

По мнению А. В. Бондарко, значение той или иной единицы в языке представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность [12, с. 50 – 51]. Языковая модель предложения виртуальна, поскольку не имеет реальной референтной соотнесенности. В аспекте прагматической теории структурно-семантический прототип речевого высказывания – это виртуальная модель (локутивный образец). В речи же представлены иллюкутивные варианты, которые реализуют локутивные модели не только в содержательном, но и структурном планах. При таком подходе, как было отмечено, выделяются три составляющих предложения: синтаксис, семантика и прагматика.

В дискурсе языковые формы употребляются как в своей первичной функции, при симметрии (соответствии) структурного и семантико-прагматического уровней, так и во вторичной функции, когда имеет место асимметрия (несоответствие) вышеназванных уровней. В первом случае говорят о прямом речевом акте, во втором – о косвенном [13, с. 16].

Вместе с тем, положения интегрированной прагматики позволяют более четко показать разницу между формальным языком и естественным. Так, для прагматики важной составной частью является теория косвенных речевых актов, которые отличаются особым вариантом взаимодействия информативного и аргументативного (прагматического) значений высказывания. Фраза: *Avez-vous une montre?*, которая может обозначать простой запрос информации, в определенной коммуникативной ситуации может выступать как речевой акт-императив: *Avez-vous une montre? (= Dites-moi l'heure!)*. На примере косвенных речевых актов возможно проследить взаимоотношение коррелятивных пар понятий: семантики (информативности) / прагматики (аргументации, иллюкуции), что отражается на соответствии означающего-означаемого сложного знака-предложения. В случаях, когда прагматика «берет верх» над семантикой, изменяется ее коммуникативная ориентация, которая входит в противоречие с внешней структурой высказывания, например, вопроса.

Таким образом, в прямых речевых актах наблюдается симметрия означаемого и означающего, тогда как в косвенных речевых актах нарушается равновесие прагма-

тического и семантического значений предложения, что влечет за собой асимметрию денотативного и сигнификативного значений. Эту же мысль подчеркивает Н. Ф. Алефиренко: «Любой знак косвенного именованья (метафорическое сравнение, метафорическое и метонимическое сочетание, фразеологизм, паремия), возникнув на базе дискурса, характеризуется асимметрией формы и содержания, когда смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означающего» [14, с. 8]. Обычно, в косвенных высказываниях аргументативность превалирует над информативностью.

Некоторые косвенные речевые акты могут быть поняты вне контекста, им свойственно только «косвенное» значение, представляемое их структурой, и в первичном значении такие конструкции не употребляются. Таковы, например, общевпросительные предложения с отрицанием, где чаще всего встречаются глаголы *pouvoir*, *vouloir*, употребленные в кондиционале: *Ne pourriez-vous pas passer le sel?* (= *Passez le sel!*). Подобные предложения приняты системой языка, поскольку как в первом, так и во втором случае общевпросительные высказывания являются независимыми от контекста. Что касается частновпросительных предложений, то среди них довольно редко встречаются контекстуально независимые косвенные речевые акты. Например, по аналогии с предыдущим примером, используя частный вопрос, можно привести следующее высказывание: *Qui pourrait me passer le sel?* Оно также будет являться косвенным речевым актом императива: *Qui pourrait me passer le sel?* (= *Quelqu'un, passez le sel!*) Вопросительное местоимение *qui* имплицитно предполагает наличие нескольких коммуникантов, о которых мы можем узнать только из контекста. Контекстуально независимыми косвенно речевыми актами можно считать частновпросительные предложения, используемые иногда в качестве риторического вопроса, типа: *Qui peut tout savoir?* имплицитно содержащее ассертивное высказывание: *Qui peut tout savoir?* (= *Personne ne peut tout savoir*). Подобные риторические вопросы обычно встречаются среди готовых изречений, пословиц и поговорок.

Вопрос по своей сути является речевым актом, который устанавливает права и обязанности партнеров по коммуникации: тот, кто задает вопрос, обозначает свое право его задать, и требует от собеседника на него ответить. Эта особенность вопросительных предложений приближает речевой акт-вопрос к речевому акту-приказанию, который ставит в затруднительное положение собеседника, это можно наблюдать, в частности, в ситуации сдачи экзаменов. В ряде случаев вопрос задается с целью простого запроса информации, без явного принуждения на него отвечать присутствующему адресату; в том случае, если вопрос задается самому себе, то говорящий (думающий) берет себя в качестве свидетеля своих размышлений.

Наконец, в некоторых коммуникативных ситуациях, вопросительное предложение не соответствует речевому акту-вопросу, но косвенно принимает значение другого речевого акта.

Если попытаться аналитически воспроизвести расположение обобщенных моделей вопросительных предложений в языковой системе, то, очевидно, в центре определенного микрополя следует расположить конструкции с соответствием означаемого и означающего, так как в этом случае как структура, так и значение языковой прототипической модели отвечают вопросительной иллокуции; периферию, очевидно, займут конструкции с косвенным значением, поскольку их структура «скрывает» несоответствующее ей содержание. В речи для таких предложений достаточен нулевой контекст.

Центральные модели могут реализовать в речи несколько значений. Предложения, воспроизводящие в речи эти типовые модели, потенциально многозначны (1). Периферийные модели потенциально однозначны (2):

(1) - *Qu'est-ce donc qui te plaît?*

- *Tout ce que vous voulez détruire...* (Sartre. *Le diable et le bon Dieu*, 96).

(2) - *[...] quel est le soldat qui gagne une guerre à lui tout seul?* (Sartre. *Le diable et le bon Dieu*, 124).

Характер взаимодействия семантического и прагматического значений в случаях полной независимости и полной зависимости от контекста является различным: в контекстуально независимых высказываниях это взаимодействие статично, в контекстуально зависимых косвенных речевых актах – динамично. По мнению В. Г. Гака, в косвенных речевых актах (в дальнейшем КРА) иллокутивный эффект «не соответствует прямому значению высказывания, но обуславливается фоновыми знаниями [...] говорящих, условиями общения» [13, с. 15]. Вследствие этого проблема косвенных речевых актов связана с понятием имплицатур, по правилам которых адресатом выводится иллокутивная сила речевого акта. Коммуникативная имплицатура представляет собой «определенные выводы, которые можно сделать на основании содержания высказывания без привлечения отношений логической импликации» [9, с. 530]. Субъектом имплицатуры является «говорящий или (по метонимическому переносу) взятое в контексте речи высказывание» [15, с. 29]. Значение имплицатур речевого общения «состоит не только в том, что они подсказывают технику вывода косвенных смыслов, но также и в том, что они уточняют прямой смысл высказывания, исключая другие интерпретации, совместимые с его значением» [15, с. 30].

Сторонники интегрированной прагматики признают, что аргументативное значение и в языковой системе не перестает быть прагматическим: именно в языковой системе зафиксировано относительное равновесие информативного и аргументативного (прагматического) значений, поскольку последнее всегда однозначно в системе языка и потенциально однозначно/многозначно в речи [16, с. 15 – 25].

Именно в речи, под влиянием контекстуальных условий, прагматическое значение может доминировать над семантическим, и иллокуция предложения (его целевая установка) не совпадает с системной (языковой).

Теория речевых актов предполагает сложную функциональную структуру компонентов дискурса. В актуализированной лингвистической реальности различают: изолированного говорящего и других субъектов коммуникации, наличие которых рассматривается как одна из существенных характеристик теории высказывания – его полифоничность [9, с. 324 – 326]. Такой подход с точки зрения интегрированной прагматики позволяет пересмотреть классическое положение о единичности говорящего. В трактовке системы личных местоимений, предложенной Э. Бенвенистом, которые подразделяются на указатели и заместители, остается неопределенным само понятие «говорящий». Пристрастие О. Дюкро к семантическому анализу в интегрированной прагматике привело его к рассмотрению речевой деятельности, определяемой как продукт многих голосов или точек зрения, что свойственно, по мнению ученого, дискурсу вообще, и литературному в частности. Понятие «рассказчик» противопоставляется не только главным действующим лицам (персонажам) повествования тем, что он (рассказчик) определяет точку зрения, на основании которой представлена история, но в равной степени и автору, предполагаемому лицу. Для настоящей статьи данное положение является важным, так как исследуемые простые и сложноподчиненные вопросительные предложения в основном используются в так называемом «авторском тексте», то есть в художественных произведениях, в драматургии, там, где реже встречаются высказывания, воспроизводящие спонтанную речь.

Во многом театральный, или художественный дискурс, проявляет функциональную аналогию с повествовательным дискурсом, а также затрагивает саму проблематику высказывания. Существование двойственной ситуации коммуникации: внутренней (персонаж-персонаж) и внешней (автор-читатель), показывает, что проблема точки зрения не сводится к условной единичности говорящего, лингвистическим показателем которого является категория первого лица [9].

Итак, традиционному положению о единичности говорящего О. Дюкро противопоставляет теорию полифонии высказывания. Понятие полифонии включает идею многочисленности голосов в одном высказывании. Наиболее яркими примерами полифонии являются негативные, иронические высказывания:

1. Il ne fait pas beau.

2. (sous une pluie battante): Quel temps magnifique!

Отрицательное высказывание, по мнению Дюкро, состоит не в подтверждении ложности предложения, а в столкновении двух точек зрения: первая соответствует подтверждению «il fait beau», а вторая – выражению отрицания этого утверждения. Эти две точки зрения не принадлежат говорящему: они являются результатом двух различных высказываний, взятых на рассмотрение говорящим, и только со второй он соглашается.

Во втором примере ироническое высказывание не должно, как считает Дюкро, интерпретироваться согласно классическому представлению, что оно имплицитно выражает противоположность тому, что утверждает. Согласно Сперберу и Вилсону, анализ которых частично принимает Дюкро, было бы непонятно, какой именно указатель на противоположность реальному факту мог бы быть уместным с точки зрения коммуникации. В действительности, в любой иронии есть намек или ссылка на полифонию: говорящий своим речевым актом отсылает нас к высказыванию или точке зрения, представляющей абсурдной в реальных условиях, и которую говорящий отказывается принимать.

Анализ примеров подтверждает, что догматичному представлению о единичности говорящего следует предпочесть понятие полифонии, которое устанавливает различие между говорящим (определяемым как ответственным за речевой акт) и участником коммуникации (определяющим одну или несколько точек зрения, взятых на рассмотрение говорящим).

В общем интегрированная прагматика наделяет значение предложения следующими указателями:

- 1) указателями на аргументативный потенциал (т.е. иллокуцию);
- 2) указателями на возможные последствия, к которым может привести реальное продуцирование предложения (контрастный речевой акт);
- 3) указателями на точки зрения (на других говорящих), выраженных во фразе.

Таким образом, в дискурсе предложение приобретает смысловое содержание, которое представляет денотативное значение – то, что оно обозначает в реальной коммуникации. При дискурсивной актуализации в рамках смыслового содержания реализуется динамическое взаимодействие семантического и прагматического значений в пределах общих возможностей, которые предопределяются языковой системой.

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука. 1969. – 307 с.
2. Guillaume G. Grammaire particulière du français et grammaire générale.- Les Presses de l'Université Laval, Québec. 1973. – 400 p.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Высш. шк. 1986. – 220 с.
4. Минкин Л. М. Системные свойства предложения и прагматика речи // Современные проблемы романистики: функциональная семантика. – Том 1,2. – Том 2. – Калинин. – 1986. – С. 25 – 27.
5. Ионице М. П., Потапова М. Д. Проблемы логико-синтаксической организации предложения. – Кишинев: Штиница. 1982. – 135 с.
6. Остин Дж. Слово как действие// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс. 1986. – С.122-129
7. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс.1986. – С. 7 – 21.
8. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс. 1986. – С. 151 – 159.
9. Moeschler J., Reboul A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. – P. : Edition du Seuil. – 1994. – 579 p.

10. Ducrot O. La valeur argumentative de la phrase interrogative // *Logique. Argumentation. Conversation (Actes du Colloque de Pragmatique)*. – Fribourg : Peter Lang. 1981. – P. 79 – 110.
11. Барт Р. Основы семиологии // *Французская семиотика: от структурализма к пост-структурализму*. – М.: Изд. Группа «Прогресс». 2000. – 536 с.
12. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука. 1978. – 123 с.
13. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // *Иностр. яз. в школе*. – 1982. – № 5. – С. 12 – 16.
14. Алефиренко Н. Ф. Имплицитность художественного слова как когнитивно-дискурсивная категория // *Научные ведомости Белгородского госуд. ун-та. Серия Гуманитарные науки*. – 2011. – № 12 (107). Вып. 10. – С. 5 – 11.
15. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. XVI. – *Лингвистическая прагматика*. – М.: Прогресс. 1985. – С. 3 – 42.
16. Минкин Л. М. Некоторые вопросы теории языка и речи // *Вісник Київського лінгвістичного Університету*. – Т. 3. – № 2. – Київ: Видавничий центр КДЛУ. 2000. – С. 15 – 25.

PRAGMATIC FEATURES OF THE LANGUAGE SYSTEM AND DISCOURSE (THE CASE OF INTERROGATIVE SENTENCES IN FRENCH LANGUAGE)

T. E. Soboleva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
soboleva@bsu.edu.ru*

The article deals with the problem connected with the pragmatic approach to the analysis of language. Denotation of the sentence may belong either to the speech or to the linguistic competence of the speaker, considering different complex of problems: modal-communicative in the first case and logical-syntactic problems in the second. It is noticed that at discursive actualization within the limits of the semantic context.

Key words: implicitness, text, discourse, invariant models, polyphony, indirect speech act.